

СЕВОСТЬЯНОВА Н.Г.
Минск, Беларусь

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Açar sözlər: şəxsiyyət, intellektual-mənəvi dəyərlər, qlobal risklər.

Ключевые слова: личность, интеллектуально-духовные ценности, глобальные риски.

Key words: personality, intellectual and spiritual values, global risks.

В ряду важнейших интеллектуально-духовных ценностей современного общества рисков акцентированы достоинство и ответственность личности, которые являются приоритетами современного мироустройства на всех уровнях бытия и дискурса, во взаимосвязи со свободой и правами человека и вне зависимости от ресурсов для выполнения этих насущных требований. Морально-возвышающая суть достоинства человека раскрыта в плане обновленного категорического императива как закон самоуважения и уважения; безусловная ценность человека как цели самой по себе; как проявление свободы и добровольности поступков. Ответственность показана как интегральная ценность в значении основной характеристики личностного бытия и установки жизненной позиции; как исходное положение теорий и учений о моральных абсолютах, безусловных и опорных идеях регулятивного порядка в условиях глобальных рисков.

В условиях глобальной нестабильности и становления нелинейных динамик социокультурного бытия и его антропологического измерения возрастает значение интеллектуально-духовных приоритетов личности и общества как опорных ценностей нравственного порядка. Объективные контексты глобализации и интеграции привносят в тему кризиса культуры рассуждения о «конце истории» (Ф.Фукуяма), «информационном» (М.Кас-

тельс) и «индивидуализированном» (З.Бауман) «обществе риска» (У.Бек), «столкновении цивилизаций» (С.Хантингтон), «кризисе идентичности» (Э.Х.Эриксон), размывании традиций в «культуре постмодерна» (П.Козловски), жизни «после добродетели» (А.Макинтайр). Актуальные исследования социальной реальности высвечивают различные императивы, уяснение которых способствует преодолению рисков и вызовов современности. В этом качестве были обозначены, в частности, «принцип надежды» (Ю. Мольтманн), «принцип доверия» (Ф.Фукуяма), «биографическое разрешение системных противоречий» (У.Бек), «индивидуализация как судьба, а не выбор» (З.Бауман). Сегодня на смену этим установкам приходят «концепт человеческого достоинства» (Ю.Хабермас), «принцип ответственности» как «идея новой практической философии», как «принцип технологической цивилизации» (Г.Йонас), «основоположение этики ценностей» (В.А. Канке).

В статье аргументированно рассматриваются такие интеллектуально-духовные приоритеты современного общества, как нравственное достоинство и нравственная ответственность личности.

Интеллектуальный вызов современному обществу, необходимость укрепления нравственного потенциала достоинства личности в его взаимосвязи с правами человека выдвигается сегодня на ключевые позиции в социальной практике и философском дискурсе. Конгруэнтно процессам роста моральных деклараций о достоинстве личности и расширению прав человека накапливается драматический опыт попрания человеческого достоинства, умаления его нравственной силы, отсутствия конкретной социальной реализации представлений о достоинстве и правах человека в современном обществе. Правящие и интеллектуальные элиты встают на защиту человеческого достоинства ввиду опасения перед непредвиденными угрозами, инвазивными (вероломными) технологиями, практиками манипулирования сознанием. Актуализируются такие своды международного права, как Устав ООН (1945), Всеобщая декларация прав человека (1948), Международные акты о правах человека (1966), а также Конституции государств, которые утверждают, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве».

Набирает силу научная дискуссия о нравственно-возвышающем содержании достоинства личности, но и «реалистической утопии прав человека» как невозможности практического воплощения достоинства личности в ее правах (1, 2, 3). «Эхо кантовского категорического императива», достоинство личности изучают как моральный исток, который имплицитно присутствует и по содержанию питает все базисные права человека.

Ю. Хабермас, автор принятой в современной социальной и политической философии методологической стратегии – парадигмы коммуникативного действия, которая «возвращает» мораль как в систему (государ-

ство), так и в жизненный мир человека (гражданское общество), – утверждает, что достоинство представляет собой высший ранг ценности на службе интегративной концепции прав человека. Достоинство – это сейсмограф политической общности; это портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право; это понятийный шарнир, соединяющий мораль равного уважения к каждому с демократическими правами Конституций (1). При этом права человека выступают как моральная (декларация), юридическая (кодификация), социальная (реализация) реальность.

Теоретически ясно, что негативные трансформации достоинства и прав личности во многом детерминированы кризисом основных нравообразующих институтов (семьи, государства, церкви) в глобальном и локальном масштабах; сопряжены с антропологическим кризисом как сдвигом сущностной природы человека. В философской антропологии постмодернизма человек и вовсе рассматривается в контексте рассуждений о «смерти субъекта». Но человека как субъекта морали и права, как существа, обладающего достоинством самоуважения и общественного признания, ответственностью за свои поступки, можно и нужно помыслить, ориентируясь на непревзойденные установки моральной философии И. Канта и современные концептуализации темы интеллектуально-духовных приоритетов общества.

Понятие и явление нравственного достоинства личности исследователи рассматривают как процесс и результат конституирования человека вообще. По определению субъект моральный и социальный, даже если безнравствен (мораль вездесуща), человек самоценен, как самоценна и его жизнь в обществе.

В современной философии нравственное достоинство личности рассматривается как «этическая категория, выражающая абсолютную ценность человека как разумно-социального существа. Достоинство – это форма самосознания, самооценки и самоконтроля личности, один из способов осознания своей ответственности перед другими и самим собой» (4, 147). «Достоинство человеческой личности – это ее мироощущение как творца цивилизации, выражающееся в притязаниях и долженствовании человека окружающей действительности, государству и обществу, к себе самому и другому, обнаруживающееся в его чувствах, идеях и понятиях, действиях и поступках» (3, 63).

Проблематизации концепта нравственного достоинства личности рассмотрены еще в моральной философии И. Канта, всегда современной как по причине рефлексии невозможности общезначимого порядка ценностей и общечеловеческой морали, так и по причине признания действительности единой линии развития и смены моральных систем. В данной работе мораль (нравственность) рассматривается как форма общественного сознания, фор-

ма духовной культуры и социальный институт, выполняющий функцию регулирования поведения человека в обществе; императивный, нормативный, оценочный феномен; внутренняя осмысленность жизни, соединяющая личностный смысл с высшим смыслом; «всепроникающая (всеобъемлющая, всекомпетентная, вездесущая) форма духовности» (5, 378); функциональный феномен: сторона, срез, аспект всякого рода сознания, деятельности и отношений. Так все виды достоинства и ответственности человека, субъекта морали, приобретают нравственный характер в обществе, моральность которого поддерживается неписанным законом.

Рассматривая интеллектуально-духовные приоритеты, уместно остановиться на некоторых существенных признаках морали согласно И. Канту. «Для себя самой мораль не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе, так как ее законы обязывают через одну лишь форму всеобщей законосообразности принимаемых в соответствии с ней максимум как высшего условия всех целей» (6, 463). «Мораль неизбежно ведет к религии» (6, 466). «Из всего практического познания моральные законы вместе с их принципами не только отличаются от всего прочего, в чем заключается что-то эмпирическое, но вся моральная философия всецело покоится на своей чистой части. Будучи применима к человеку, она ничего не заимствует из знания о нем (из антропологии), а дает ему как разумному существу априорные законы, которые еще требуют способности суждения» (7, 160). По И. Канту, «принадлежность к роду человеческому (die Menschheit) само уже достоинство; ибо ни один человек не может пользоваться другим человеком как средством, он всегда должен в то же время быть целью, и именно в этом состоит его достоинство (личность), благодаря которому он стоит выше всех остальных живых существ» (8, 861).

В результате, самоуважение и общественное признание выступают теми измерениями достоинства личности, которые напрямую увязывают его с правами человека. Однако притязания на общественную значимость должны быть следствием позитивной социальной деятельности человека и его адекватной самооценки. Нравственный потенциал общества также должен быть достаточно высоким для действительного признания достоинства человека и обеспечения реализации его декларированных прав. Подобная мера в контексте кантовской антиномии должного и сущего неизбежно нарушается и раскрывает диалектику объективного и субъективного, всеобщего и единичного, позитивного и негативного, конструктивного и деструктивного, внутреннего и внешнего, качественного и количественного, возможного и действительного в бытии и понимании нравственного достоинства личности.

Семантика прежних и современных учений о человеческом достоинстве была связана с представлением о социальном статусе личности, приоб-

ретаемом в силу принадлежности к знатному роду, по причине служебного положения или прочих заслуг перед обществом. Такой подход опирался на представление о «социальной цене», стоимости человека, его звании, чине. Отождествлял достоинство с достоянием, ценой, благосостоянием, превосходством. Достоинство человека определялось, в основном, обществом и государством в зависимости от социальных потребностей и интересов. Достоинство и сегодня часто рассматривается как количественная, а не качественная величина, приписываемая определенной группе людей в силу их заслуг и социальной цены. Именно такому относительному подходу к пониманию нравственного достоинства И. Кант противопоставил понятие о достоинстве человека как абсолютной ценности.

«Так же как человек не может отдать себя ни за какую цену (что противоречило бы долгу самоуважения), точно так же он не может поступить против столь же необходимого уважения к другим людям» (8, 861). «Уважение, которое я питаю к другим или которое другие могут потребовать от меня, есть, следовательно, признание достоинства (*dignitas*) в другом человеке, т.е. достоинства, не имеющего ни цены, ни эквивалента, по которому можно выменять объект почитания» (8, 860).

Тем не менее, И. Кант подмечает «хрупкость человеческой природы» и «слабость человеческого сердца (6, 487) как причину недостойного бытия. Утверждает, что человеку «лучше полагать в основу всеобщую формулу категорического императива: поступай согласно такой максиме, которая в то же время сама может стать всеобщим законом» (7, 215).

Человек, по мысли И. Канта, принадлежит двум мирам – чувственно воспринимаемому и умопостижаемому. Представления человека имеют два источника – либо чувственность (склонность), либо практический разум (воля, долг, закон). Источник зла (антипод достоинства) находится не в природе человека, а в неспособности свободно принять общезначимый моральный закон в максиму (субъективный закон) своего поведения. Ведь если зло имеет источник в природе человека, то человек не ответствен за него. Невозможно отвечать за то, от чего нельзя отказаться (9). По большому счету, когда снимается ответственность, появляется *adiaphora* (неразличение добра и зла), и «при такой двойственности всем максимам грозит опасность утратить определенность и устойчивость» (6, 479), – предостерегает И. Кант.

Мыслитель рассматривает три вида «задатков человека», которые обуславливают его недостойное бытие. «Задатки животности в человеке можно подвести под общую рубрику физического себялюбия, т.е. такого, для которого не требуется разум» (6, 484). «Задатки человечности можно подвести под рубрику сравнительного себялюбия (для чего требуется разум). Отсюда склонность добиваться признания своей ценности во мнении других, и притом первоначально лишь ценности своего равенства с другими:

никому не позволять превосходства над собой. Так возникают ревность и соперничество, открытая враждебность против всех. Эти пороки могут называться и пороками культуры, например, завистью, неблагодарностью, злорадством» (6, 484–485). «Задатки личности – это способность воспринимать уважение к моральному закону как сам по себе достаточный мотив» (6, 485).

И. Кант отмечает, что недостаток достоинства человека возникает из его неспособности принимать моральный закон в свою максиму, из «смешения неморальных мотивов с моральными», «отсутствия чистоты», «злонравности природы», «испорченности и извращенности сердца». В силу моральных задатков человек обладает достоинством, но в силу естественных задатков лишается его, «делает мотивы себялюбия условием соблюдения морального закона». При этом «заповедь *мы должны стать лучше*, не ослабевающая, звучит в нашей душе. Следовательно, мы должны также и мочь сделать это» (6, 505).

В современной философской антропологии человек рассматривается как уникальная индивидуальная проекция природы (микрокосмос), общества и культуры (микросоциум), Бога (микротеос). При этом противоречия человека и личности как его интегральной социальной характеристики настолько непреодолимы, что человек остается проблемой сам для себя. Вопросы, а не ответы, составляют его сущность и нравственное достоинство. Многочисленны отрицательные определения человека, в которых отмечается его несводимость, неповторимость, непредсказуемость, незаменимость, непредопределенность, невыразимость, безопорность. Однако «человек вообще» остается по определению живой, познающий, страдающий, любящий, верующий.

Моральное достоинство человека И. Кант называет максимой его жизни, и, если человек сохраняет свою жизнь «не по склонности или из страха, а из чувства долга, – тогда его максима имеет моральное достоинство» (7, 169). Однако «максиме не хватает нравственного достоинства, и именно совершать такие поступки не по склонности, а из чувства долга» (7, 170), несмотря на то, что человек отличается от животных бытием по долгу, а не по склонности. В соответствии с тремя условиями возможности безусловного повеления И. Кант выделяет три основные формы категорического императива.

Во-первых. «Существует только один категорический императив, а именно: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (7, 196). «Всеобщий императив долга: поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» (7, 197).

В-вторых. «Практическим императивом будет следующий: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» (7, 206).

В-третьих. «Идея воли каждого разумного существа как воли, устанавливающей всеобщие законы» (7, 209). «Категорический императив может быть выражен и так: поступай согласно максима, которые в то же время могут иметь предметом самих себя в качестве всеобщих законов природы» (7, 216).

Единым для всех трех форм категорического императива как сути морали и нравственного достоинства, а также ответственности личности, является то, что требование в них относится не к поступкам, а к максима как субъективным основаниям воли. «Нельзя было бы придумать для нравственности ничего хуже, чем если бы хотели вывести ее из примеров. Спускаться до ходячих понятий очень похвально, если перед этим мы поднялись до принципов чистого разума» (7, 181–182), – утверждает И. Кант. Ни в одной из форм категорического императива нет указания на конкретное содержание поступка, но дан принцип, из которого поступок следует, а главный смысл отношения императива к поведению выражен в слове «так». Это и есть мера противоречия должного и сущего как имманентная характеристика и движущая сила развития морали, которая помогает понять картину развития морали вообще.

В соответствии с тремя формами категорического императива возможно реконструировать три формы императива нравственного достоинства личности. Во-первых, достоинство личности – это долг самоуважения как результат следования всеобщему моральному закону, и долг уважения к другим людям и обществу. Во-вторых, достоинство – это безусловная ценность человека как цели самой по себе. В-третьих, достоинство – это свобода и добровольность поступков человека.

В связи с первой формой категорического императива следует отметить, обращаясь к тексту И. Канта, что законы морали «повелевают безусловно и делают долг предметом глубочайшего уважения... даже если не совпадали счастье и достоинство» (6, 467). «Под уважением подразумевается максима ограничения нашего самоуважения достоинством человечества в лице другого» (8, 845–846). «Долг свободного уважения к другим аналогичен правовому долгу – никого не лишать его *свое*» (8, 846). «Пороки, противостоящие этому долгу: ложь, скупость и ложное смирение (раболепие). Эти пороки противоречат характеру людей как моральных существ, т.е. внутренней свободе, прирожденному достоинству человека» (8, 812–813).

Действительно, нравственное достоинство человека выступает таким показателем качества его бытия, которое сопровождается противоречиями

из-за своеобразного переживания и самосознания собственной ценности. Зачастую внешняя демонстрация нравственного достоинства является симуляцией человека, странно понятым предназначением, но задает определенный подход к восприятию данного человека. Разрыв с принципами гражданского общежития и правами человека, ущербная социализация и недостаточная социальная адаптация, размытая идеентичность порождают антиподы нравственного достоинства и ответственности личности.

Вторая форма категорического императива связана с идеей человека и человечества как цели самой по себе. «В царстве целей все имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены, то обладает достоинством. Моральность же есть условие, при котором только и возможно, чтобы разумное существо было целью самой по себе» (10, 212–213). По И. Канту, абсолютность человеческого достоинства означает, что человек «выше всякой цены», а представления о доброй или злой природе человека, о моральных чувствах, о счастье, греховности и т.п. не существенны для признания безусловной ценности человеческого достоинства. «В ряду целей человек есть цель сама по себе, т.е. никогда никем не может быть использован только как средство» (10, 401). Здесь возникает, в русле антиномии должного и сущего, проблема «незаинтересованной заинтересованности» моральной мотивации, поскольку человек заинтересован в выполнении принципов нравственности, но должен быть бескорыстным (альтруистичным) в своих поступках.

Третья форма категорического императива раскрывает автономию нравственного законодательства и первичность моральных требований к самому себе. Ведь пока общезначимое не является личным правилом, следование ему не может быть моральным поступком, но может являться действием по праву, обычаю, традиции. Свобода является способом бытия морали, однако переживается и выражается человеком как позитивно, так и негативно, допускает свободу выбора зла и «бегство от свободы». И. Кант рассматривает должную свободу, а творящему зло вменяется то, что он не свободен, хотя свободным должен быть.

«Моральное воспитание человека должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и с утверждения характера» (6, 508), – утверждает И. Кант. Надо «как можно чаще возбуждать чувство возвышенности своего морального назначения, нравственный образ мыслей, который противодействует прирожденному предрасположению к извращению мотивов в максимах» (6, 510).

Сегодня требуется средствами философской рефлексии по поводу «условий возможности» социальной деятельности, соответствующей кантовскому представлению о достоинстве и ответственности личности, фор-

мировать этику и политику достоинства и ответственности. Так, Ю. Хабермас ставит вопрос об асимметрии нравственного достоинства личности и прав человека, которая более всего выражается в сфере реализации прав человека. Оксюморон «реалистическая утопия прав человека» увязывается им с «избыточной идеей справедливости» и возникающим из нее напряжением в политической и социальной реальности (1). В современном правовом поле, отмечает Ю. Хабермас, понятие человеческого достоинства переносит содержание морали равноуважительного отношения к каждому на статусный порядок государственного гражданства. Но ведь философы и прежде «не выстраивали никакого семантического моста к эгалитарному смыслу современного понятия достоинства» (1). Между понятиями *dignitas* и *persona* была установлена тесная связь, но о неприкосновенности достоинства отдельной личности как источника нормативных притязаний не было речи. Только в современном обществе к коллективной генерализации добавилась индивидуализация. Место ценностного возвышения человечества заняла абсолютная ценность личности и ее нравственного достоинства.

Не менее значима в современном обществе глобальных рисков и *ответственность*. Непременное условие нравственной жизни человека и общества, ответственность рассматривается здесь как практический и теоретический императив, характеризующий личность с точки зрения выполнения ею требований общества в различных сферах жизнедеятельности; и как основное, исходное положение теорий и учений о моральных абсолютах, безусловных и опорных идеях регулятивного порядка. Не вдаваясь в классификации видов ответственности по различным критериям, отметим, что по сути своей всякая ответственность является нравственной (моральной).

Начинаясь на личностном уровне с возможности психического вменения результатов поступка и связанная на общественном уровне с системой поощрений и наказаний, нравственная ответственность атрибутирована свободой как универсалией культуры. Свобода воли, свобода выбора, свобода действия, свобода оценки поступков пронизывают индивидуальное и общественное сознание, отношения, деятельность. В нравственной ответственности дает о себе знать мотивация поступков, избранные цели и средства, технологии их достижения и оценки. Фокусируются не только мировоззренческие установки, но и пути их реализации.

Нравственная ответственность взаимоопределяется через любую другую духовную ценность, что убедительно прописано в отечественной и зарубежной моральной философии. Смысл жизни как ответственное самовыражение, счастье как отсутствие боязни ответственности, добро как ответственное усмотрение лучшего, долг как степень осознания ответственности, совесть как ответственная мотивация и оценка поступка, честь как способность нести ответственность, достоинство как мера ответственности, любовь

как ответственность за ближнего – все эти атрибуты напоминают о статусе и роли личности, ее отношениях с миром, поступках и жизненной позиции.

«Ответственность – это этический акт, взятый в единстве всех его моментов» «шестиместное отношение», при котором некто (личность, корпорация) отвечает за нечто (поступки, последствия, состояния, задачи) по отношению к адресату перед инстанцией (выносящей санкцию) в соответствии с нормативным критерием и в рамках данной области» (11, 269).

Не будет преувеличением отметить, что проблема нравственной ответственности так или иначе рассматривалась во всех направлениях философии, а некоторые из них сформулировали императив нравственной ответственности как кредо. К примеру, в атеистическом экзистенциализме Ж.П. Сартра, этом учении о человеческой субъективности, свободе и поступках, отмечено, что абсолютная свобода взаимосвязана с абсолютной ответственностью за существование. В фундаментальной онтологии и онтологической этике М. Хайдеггера, в его философии бытия, но не человека, показано, что личность «как присутствие» есть озабоченное и ответственное бытие-в-мире. Человек «стоит в просвете бытия» и отвечает за «вот-бытие». В философской герменевтике установлен императив: «быть ответственным – значит стремиться понять суть дела и действовать в соответствии с этим пониманием». Философия постмодернизма изобилует проблематизациями ответственности, одна из которых сообщает, что апория должен/не должен как идея изжившей себя универсальной морали блокирует ответственность. Новые ценности дисконсенсуса делают соблюдение «правил нравственности безнравственным», потому что все «замещается метафорой», помещается в различные контексты, а за всяким текстом обнаруживаются «симулякры».

Переживаемый сегодня кризис нравственной ответственности непосредственно связан с кризисом основных нравообразующих институтов и с антропологическим кризисом как сдвигом сущностной природы человека. Исследователи отмечают даже «децентровку» личностной сути к маргинальным краям, в лучшем случае к «горизонтам». Человек познающий превращается в человека информированного, плохо понимающего смысл знания. Человек созидатель «отравлен» продуктами метаболизма и творит в «токсичной, бросовой среде», подавляя и презирая идеалы ввиду их ненужности и удаленности от «мутной» повседневности. Человек верующий «самоликвидируется» в секулярном обществе, но именно он способен отказаться от соблазнов культуры потребления в пользу духовных ценностей.

«Наши времена, трудные для любой веры, религиозной или мирской, неблагоприятны к доверию и вообще к далеко идущим целям по причине быстротечности и уязвимости всего в земной жизни» (12, 195) больше прежнего нуждаются в моральных ограничениях и опорных ценностях. «Мы противопоставляем принципу надежды принцип ответственности» (13, 362).

Несовпадение должного и сущего выявляет серию проблематизаций императива нравственной ответственности в культуре и дискурсе. Современное общество характеризуется усложнением экономических процессов и фрагментированностью человеческого существования в стихийных условиях глобализации. Это делает невозможным восстановление и сохранение нравственных принципов: «новый мировой беспорядок обесценивает порядок» (12), а значит и ценности нравственной ответственности. «Входным билетом» в современное общество является готовность жить среди хаоса, процветать в неустроенности, согласие разрушить созданное собственными руками. Но это с одной стороны. С другой стороны, «индивидуализация заключается в преобразении человеческой идентичности из данности в задачу и в наделение действующих лиц ответственностью» (12).

В итоге современное общество глобальных рисков вызывает к принципу нравственной ответственности как «непрекращающемуся условию существования человека». Призывает к нравственной жизни в наши времена, трудные для морали, неблагосклонные к достоинству, ответственности и далеко идущим целям по причине быстротечности и уязвимости всего земного. Обновленный категорический императив нравственного достоинства и ответственности личности требует действительного, а не юридического статуса личности, несмотря на то, имеем ли мы в своем распоряжении ресурсы, соответствующие этой насущной обязанности. Современное звучание приобретают установки моральной философии И. Канта. «Долг человека перед самим собой – в соответствии между максимами воли человека и достоинством человечества в его лице» (8, 812). В ракурсе антиномии должного и сущего выясняется, что природа человека и общества достаточно благородны для того, чтобы возвести достоинство и ответственность в общезначимый закон и в полной мере реализовать его в свободах и правах человека, но в то же время слишком слабы, чтобы этому следовать. «Только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством» и ответственностью (10, 213).

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. № 2. – С. 66–81.
2. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к просвещению / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 730 с.
3. Евменов, Л.Ф. Достоинство и права человека – это не утопия / Л.Ф. Евменов // Наука и инновации. – 2013, № 2 (120). – С. 62–69.
4. Словарь философских терминов / Научная редакция В.Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 731 с.

5. Дробницкий, О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк / О.Г. Дробницкий. – М. : Наука, 1974. – 388 с.
6. Кант, И. Об изначально злом в человеческой природе / И. Кант // Основы метафизики нравственности. – М. : Мысль, 1999. – С. 461–562.
7. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Основы метафизики нравственности. – М. : Мысль, 1999. – С. 155–246.
8. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант // Основы метафизики нравственности. – М. : Мысль, 1999. – С. 563–895.
9. Севостьянова, Н. Преференции и проблематизации нравственной ответственности / Н. Севостьянова // Ad augusta per angusta. – Chelm, 2011. – С. 445–453.
10. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Основы метафизики нравственности. – М. : Мысль, 1999. – С. 247–439.
11. Канке, В.А. Этика ответственности. Теория морали будущего / В.А. Канке. – М.: Логос, 2003. – 352 с.
12. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
13. Йонас, Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

XÜLASƏ

Məqalədə müasir cəmiyyətin intellektual-mənəvi prioritetləri kimi şəxsiyyətin əxlaqi məsuliyyəti və əxlaqi ləyaqəti əsaslandırılmış şəkildə araşdırılır.

SUMMARY

The article discusses these arguments intelligently and spiritual priorities of modern society as the moral dignity and moral responsibility of the individual.